

Алексей Гужаловский

Эрдис: Песня Пустоты

Алексей Гужаковский
Эрдис: Песня Пустоты

«Автор»

2026

Гужаковский А.

Эрдис: Песня Пустоты / А. Гужаковский — «Автор», 2026

Немая целительница Ашара живёт на гиблых Болотах, забирая из умирающих их боль. Когда её сестра Лира превращается в камень изза древнего проклятия, Ашара узнаёт правду: она — сосуд для Лорда Хаоса, чья душа разбита на семь Ключей. Чтобы спасти сестру, она должна собрать их все и закрыть Великую Трещину. На пути она встречает Кассиана — сломленного инквизитора, слышащего голоса мёртвых. Он ищет искупления, она — спасения. Их союз — танец на грани, где магия отнимает частицу человечности. Вместе им предстоит пройти через ледяную библиотеку, обмануть Императора и встретиться с ведьмой, потерявшей всё. Но в конце их ждёт не просто битва. Чтобы победить тьму, нужно отдать самое дорогое: память, чувства или себя. Смогут ли они сохранить друг друга, когда мир рушится? «Эрдис: Песня Пустоты» — мрачная история о любви сильнее забвения и о том, что даже в пустоте есть место надежде.

© Гужаковский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Глас Болот	7
Глава 1. Немая	7
Глава 2. Проклятие Молчания	10
Глава 3. Инквизитор без веры	12
Глава 4. Встреча у разбитого моста	14
Глава 5. Дорога к часовому механизму	16
Глава 6. Ведьма Мораг	18
Глава 7. Узел Кассиана	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Гужаковский

Эрдис: Песня Пустоты

Пролог

Пятьсот лет назад Погибшие Острова не были островами. Тогда их называли Эрдис — место, где время и судьба сходились в узел, который никто не смел развязать. Там, где сейчас плещется чёрная вода, когда-то стояли хрустальные утёсы — их грани хранили свет, который не гас веками. В тот вечер небо разодралось багряными молниями, утёсы застонали, а воздух наполнился запахом озона и горелой плоти — запахом, который остаётся в лёгких навсегда.

Лорд Хаоса стоял на самом высоком пике. Его тело покрывала Серебряная Паутина — шрамы, пульсировавшие в такт дыханию. Когда он выдыхал, они вспыхивали, и в их свете проступали лица тех, чьи судьбы он держал в ладони. Он сжимал Узел мироздания — сплетение всех судеб, переплетённых в тугой клубок. Каждый удар его сердца отзывался дрожью в телах воинов в долине внизу: их доспехи трескались, мечи гнулись, а крики смешивались с воем ветра, в котором слышались голоса уже умерших.

Иногда, просыпаясь по ночам в своей лачуге на болотах, Ашара видела обрывки той битвы. Она видела хрустальные утёсы, рушащиеся, как стеклянные башни; багряные молнии, падающие снизу вверх; лицо Лорда Хаоса, смотрящее на неё с вершины. Она не знала, было ли это воспоминание или сон. Она не знала правды. И это незнание было тяжелее любого воспоминания.

Первый Император поднялся навстречу Лорду на крылатой колеснице. Его доспехи были выкованы из металла, помнившего рождение вселенной. Он был молод, но глаза его видели тысячи лет и тысячи смертей.

— Ты разорвал ткань судеб, Лорд, — голос Императора звенел, как клинок о клинок. — Ты обратил время вспять на Островах. Этому придёт конец. Сегодня, здесь, моей рукой.

Лорд Хаоса рассмеялся — в этом звуке не было ни радости, ни злобы, только усталость существа, видевшего начало и конец всех вещей.

— Конца не будет, Император, — ответил он. — Есть лишь круги. Ты и я уже проходили этот путь бесчисленное множество раз. Но сегодня я оставляю тебе пророчество. Я оставляю тебе мою утробу.

Битва длилась семь дней и семь ночей. В финальный миг Император вонзил клинок в грудь Хаоса. Тот не сопротивлялся. Он принял удар с улыбкой на губах — потому что знал: смерть — не конец, а лишь следующий круг. Его тело рассыпалось на семь осколков — семь Ключей, семь граней его души, каждая из которых уносила одно чувство.

Первый, похожий на плачущий глаз из чёрного хрусталя, унёс вкус.

Второй, ледяной кристалл, унёс боль.

Третий, ртутная капля, унёс страх.

Четвёртый, зуб дракона с золотыми прожилками, унёс надежду.

Пятый, застывший крик, унёс вину.

Шестой, сгусток тьмы, пульсирующий как живое сердце, унёс любовь.

Седьмой, прозрачный, как слеза, унёс память.

Император запечатал их в разных концах мира. Великую Трещину — разлом, из которого сочился серый туман Эха, — он накрыл печатью из собственной плоти. Он вырвал кусок своего сердца из груди и вложил его в трещину, чувствуя, как боль разливается по телу, заполняя каждую клетку. Печать пульсировала в такт его дыханию, и каждый удар отзывался болью в его груди.

Но когда последний Ключ исчез в недрах земли, из рассеивающегося мрака донёлся шёпот:

«Я вернусь не как Лорд, не как Бог, а как дитя, которое выносит та, что предала меня. Её имя — Ашара. Она носит меня в своей крови, в своих шрамах, в своей немоте. Так было, так будет, так замыслил круг, который нельзя разорвать».

Император ушёл, оставив Погибшие Острова в руинах и пепле. Время на них остановилось, а затем потекло вспять. Но пророчество осталось. И когда на Южных Болотах, в самом сердце гниющих топей, родилась девочка с серебряными шрамами на запястьях и немотой, пророчество начало сбываться.

Голос Лорда Хаоса, запертый в семи Ключах, зашептал снова. Его шёпот был слышен в каждом углу Эрдиса — в болотах, в горах, в городах и в снах каждого, кто когда-либо боялся темноты. Он шептал одно имя: «Ашара». И она слышала его — не словами, а сердцем, бившимся в такт с его.

Тень.

За пределами времени, за пределами пространства стояла Она. У неё не было лица, не было имени — только форма, которая напоминала человека, но не была им. Она держала в руках книгу — вечную, с обложкой из кожи дракона и страницами, на которых серебряными чернилами была записана история мира.

Она смотрела на страницы, и её пальцы касались строк, которые уже были написаны. Она видела всё, что должно было случиться. Но впервые за сотни циклов она не знала, что будет дальше.

Она перевернула страницу и замерла. Строки, которые всегда были там, исчезли. Вместо них — пустота. Белая, звенящая, незнакомая. Она попыталась написать: «Ашара родила Хаоса. Мир рухнул. Всё началось заново». Но чернила не ложились на бумагу. Они стекали с пера, как вода, и исчезали, не оставляя следа.

Тень закрыла книгу. Она стояла в тишине, и впервые за сотни лет она чувствовала не холод, а что-то другое. Что-то, что не укладывалось в её понимание мира.

Она не знала, что будет дальше. Она только знала, что круг не повторился.

Часть первая. Глас Болот

Глава 1. Немая

Южные Болота дом Ашары год назад. Они сидели у очага, и Лира говорила о будущем. Огонь потрескивал, и его язык лизал сухие ветки, оставляя на них чёрные следы, которые тут же покрывались пеплом. Пламя танцевало в очаге — не ровно, а рывками, как будто оно тоже слушало голос Лир и откликалось на него. В углу висели пучки сушёных трав — мята, чабрец, зверобой. Их запах смешивался с дымом и запахом старого дерева. Ашара знала каждый стебель, каждую травинку. Это была её работа, её способ быть полезной. Её способ доказывать, что она не просто проклятие, которое живёт в доме на сваях. Но сейчас она не думала о травах. Она думала о том, как голос Лир звучит в этом тепле — как музыка, которая не нуждается в словах. Голос Лир был единственным, что Ашара помнила из своего детства. Она не помнила лица матери — только тёмную воду, в которой оно растворилось. Но она помнила голос Лир. Всегда. Лира сидела на полу, поджав ноги, и её глаза горели тем особым светом, который появлялся только в такие моменты — когда она забывала о болоте, о страхах, о том, что мир за порогом жесток и опасен. Она говорила о том, как они купят старый дом на краю Болот, где не будут бояться ведьм и инквизиторов. Её руки двигались, когда она говорила, описывая в воздухе стены, окна, крыльцо. Но Ашара видела то, что Лира старалась скрыть. Её пальцы сжимали край платя — ткань была старой, потёртой, с выцветшим узором. Лира сжимала её, когда говорила о том, что они будут жить долго-долго. Она всегда боялась, что этого не случится. Она боялась темноты, которая приходила по ночам. Она боялась воды — чёрной, бездонной болотной воды. Она боялась, что Ашара однажды уйдёт и не вернётся. — Мы будем сушить травы, — говорила она, и в её голосе слышалась улыбка. — Ты будешь лечить людей, а я буду печь хлеб. Настоящий, с хрустящей коркой. Ты попробуешь его и поймёшь, что жизнь прекрасна. Она замолчала на мгновение и поправила прядь волос, упавшую на лицо. Ашара смотрела на неё, и в груди разливалось что-то тёплое — не счастье, а что-то более хрупкое. Надежда. Она не могла говорить, но она улыбнулась — той улыбкой, которую приберегала только для сестры. Она взяла палку и написала на золе у очага: «Я буду печь с тобой. Я научусь». Лира прочитала и засмеялась — звонко, как вода, текущая по камням. Её смех заполнил комнату, и на мгновение Ашара почувствовала, что мир может быть добрым. Ашара взяла хлеб, который испекла Лира. Он был тёплым. Она поднесла его к губам и замерла. Её руки дрожали — мелко, почти незаметно. Она не знала, что это был последний раз, когда они дрожали от тепла. Она закрыла глаза и запомнила этот момент. Тепло огня на коже. Запах трав и дыма. Голос сестры. Она запомнила это, чтобы однажды, когда всё станет серым и холодным, она могла вернуться в этот миг и почувствовать, что такое быть живой. Южные Болота лачуга старого рыбака настоящее. Южные Болота дышали — медленно, тяжело, с хрипом, слышным только ночью. Сваи домов торчали из чёрной воды, облепленные светящимися грибами. Воздух был таким влажным, что оседал на коже липкой плёнкой и заполнял лёгкие, заставляя кашлять даже тех, кто родился здесь. Ашара присела на корточки возле лежанки старого рыбака. Её пальцы касались его лба, и в этом прикосновении было больше, чем могли бы дать любые слова. В её голове вспыхивали образы — не слова. Перевернутая лодка с пробитым днищем. Жена, которая двадцать лет назад ушла в болото и не вернулась. Голоса детей, которых он потерял один за другим. И одно желание — острое, как нож: «Пусть это кончится. Я хочу покоя». Её пальцы засветились тусклым серебром. Когда она касалась кого-то, свет просачивался из её рук в их тела, забирая боль, забирая желания, забирая саму жизнь. Она провела пальцами по лбу старика. Кожа под

её прикосновением стала холодной. Старик выдохнул — долго, с хрипом, как будто выпускал из себя всю прожитую жизнь. Его лицо разгладилось, и на губах застыла улыбка — такая же, как у его жены на том портрете, который он хранил под подушкой. Сердце остановилось. Ашара не чувствовала вины — только тихую, почти болезненную благодарность. Она исполнила его последнее желание. Снаружи донёлся перебор струн. Слепой менестрель Ортан сидел на крыльце, перебирая струны своей старой лютни. Его глаза были белыми, как молоко, но он чувствовал каждое движение Ашары. — Ты снова дала ему покой, — сказал он. — Я слышал, как душа выскользнула. Ты сделала это хорошо, Ашара. Она подошла к нему и коснулась его плеча. Ортан был единственным, кто понимал её жесты без объяснений. Когда он думал, он касался струн своей лютни — не играл, а просто проводил пальцами по ним, проверяя, на месте ли они. — Ты видишь мои руки, — сказал он. — Но ты не знаешь, что я вижу. Я вижу песню. Не слышу — вижу. Я слеп, Ашара. Но это не случайность. Это плата. Он тронул струну, и та издала чистый звук. Ортан запел: «Она пришла к воде в туман, Где утопленники ждут. Она собрала их голоса И отдала небу под утро. Она не знала, что взамен Возьмёт её сестра И каменеть начнёт с тех пор, Как ночь придёт с утра».

«Она пришла к воде в туман,
Где утопленники ждут.
Она собрала их голоса
И отдала небу под утро.
Она не знала, что взамен
Возьмёт её сестра
И каменеть начнёт с тех пор,
Как ночь придёт с утра».

Ашара вздрогнула. Она быстро попрощалась жестом и зашагала по мосткам.

Дом ведьмы стоял на трёх сваях, вбитых в самое илистое дно. Стены были выложены костями болотных рыб — плоскими, белыми, с пустыми глазницами. Внутри пахло сушёными травами и старой кровью. Лира сидела у очага, помешивая в котле что-то булькающее. Её руки были тонкими, с длинными пальцами — такими же, как у Ашары, только без шрамов.

Но сегодня на правой ладони Леры проступала странная серость. Она пыталась скрыть это, сжимая пальцы в кулак, но Ашара уже заметила.

Она подошла и взяла сестру за руку. Лира вздрогнула, и ложка с глухим стуком упала в котёл. Ашара провела большим пальцем по серому пятну. Под кожей чувствовалась твёрдость, как у камня. Холодная, гладкая, неживая.

— Не смотри, — сказала Лира, и голос её дрогнул. — Это просто грязь. Завтра отмоеся.

Ашара жестом спросила: «Что это?»

— Я не знаю, — сказала она. — Это началось три дня назад. Сначала палец. Я подумала, что просто укололась. Но потом оно пошло дальше. К ладони. Я пыталась отскрести это — ножом, камнем, зубами, — но оно только глубже проросло. — Она замолчала и прикусила губу. — Я боюсь, Ашара. Я не хочу быть камнем. Я не хочу умирать.

Ашара схватила глиняную табличку и нацарапала: «Почему ты не сказала сразу?»

— Ты бы лечила меня, как лечишь всех остальных, — перебила Лира. — Но я не хочу быть твоим пациентом. Я хочу быть твоей сестрой. Просто сестрой. Позволь мне быть живой ещё один вечер. — Она улыбнулась той улыбкой, которую приберегала только для сестры. — Позволь мне просто поужинать с тобой.

Она поставила перед Ашарой миску с супом. Ашара взяла ложку, поднесла ко рту, но вкуса почти не было. Только лёгкая горечь на кончике языка. И тут она заметила: когда Лира

ставила миску на стол, её каменная рука издала едва слышный треск — как лёд, ломающийся на весенней реке.

Это была не болезнь. Это была плата.

Ли́ра улыбнулась ей снова и протянула кусок хлеба. Её пальцы, уже наполовину окаменевшие, дрожали так сильно, что хлеб чуть не упал. Ашара взяла его, но не откусила. Она смотрела на пальцы сестры. Под серой корой, которая уже дошла до локтя, кожа трескалась, обнажая белую, мраморную плоть.

Ли́ра попыталась взять ложку, но пальцы не слушались. Ложка выскользнула и упала на пол. Ли́ра застыла, глядя на свою руку. Её глаза расширились от ужаса.

Ашара бросилась к сестре, схватила её за плечи. Серость поднималась выше, к локтю, и кожа трескалась, как старая глина.

— Я не хочу умирать, — прошептала Ли́ра. — Я не хочу превращаться в камень. Пожалуйста. Спаси меня.

Ашара сжала её руку. Она хотела сказать что-то, но из её горла не вырвалось ни звука. Только слёзы.

Она посмотрела на свои руки. Серебряные шрамы на запястьях пульсировали ярче, чем раньше. Она не знала, что это значит, но знала — это связано с тем, что происходило с Ли́рой. С каждой жизнью, которую она забирала, плата становилась больше.

Ли́ра затихла у неё на руках. Её дыхание стало ровным, но холодным. Она больше не дрожала. Она просто лежала, глядя в потолок пустыми глазами.

Ашара не спала вторую ночь. Она сидела у лежанки Ли́ры, смотрела на её каменеющую руку и шептала беззвучно: «Это я. Я убила рыбака. Я забрала его жизнь. И плата пришла к тебе». Она прижала сестру к себе и прошептала беззвучно, но с такой силой, что слова, казалось, звучали в воздухе:

— Я не позволю тебе умереть. Я найду способ. Клянусь своей немотой. Клянусь своей жизнью.

В этот момент за окном сверкнула молния — белая, ослепительная. Гром прокатился над болотом, и дождь хлынул стеной. В его шуме Ашаре послышался голос — низкий, тягучий, шептавший её имя.

Глава 2. Проклятие Молчания

Южные Болота дом Ашары капище ведьм. Ночь не принесла покоя. Дождь хлестал по крыше с такой силой, что казалось, будто кто-то молотит по деревянным доскам тяжелыми мешками с песком. Вода просачивалась сквозь щели, капала на пол, и каждая капля звучала как удар метронома. Ашара сидела на полу у очага, прижимая к себе Лиру. Она не спала. Она не могла спать. Каждый раз, когда она закрывала глаза, она слышала этот звук — треск, похожий на ломающийся лёд. Когда первый серый свет начал пробиваться сквозь тучи, Ашара встала. Её ноги онемели, и она пошатнулась, опершись о стену. Она посмотрела на свои руки. Серебряные шрамы на запястьях пульсировали ярче, чем когда-либо. Она подошла к сундуку, достала флакон с болотной кровью, подошла к Лире, наклонилась и поцеловала сестру в лоб. Холодный, как лёд. «Я вернусь. Жди меня». Она вышла из дома, и болото встретило её сырым ветром, пахнувшим гнилью и железом. Грибы на сваях мигали, как глаза голодных зверей. Ашара шла по мосткам, и каждый шаг отдавался в груди тяжестью. Вода под ней была чёрной, и в её глубине шевелились тени — не рыбы, не коряги, а что-то более древнее и голодное. Она шла долго. Мостки петляли среди тростника, и она несколько раз теряла дорогу. Туман клубился над водой, и в его серых прядях ей чудились лица — старый рыбак с улыбкой на губах, охотник с пустыми глазами. Она шла, пока не увидела капище. Оно стояло на самом глубоком месте болота, где вода была чёрной, как зрачок ночного зверя. Болото дышало здесь особенно тяжело — каждый вздох поднимал со дна пузыри, лопающиеся с влажным звуком. Ашара вошла внутрь. Пахло сырой глиной и чем-то кислым, что щипало глаза. Синий огонь горел в центре, не давая тепла, но освещая лица трёх старух. Они сидели в кругу, их пальцы сплетались в странные узлы, и каждый узел мерцал тусклым светом. — Знаем, зачем ты пришла, — сказала та, что сидела слева. — Девочка каменеет. Мы не можем ей помочь. Ашара вытащила глиняную табличку и написала: «Почему?» — Это не проклятие, — ответила средняя. — Это плата. Она взяла то, что не принадлежало ей. Такова цена за то, что она носила на своей шее. — Тот амулет — ключ, — сказала первая. — Он открывает дверь в Трещину. Девочка носила его на шее, не зная, что он высасывает из неё жизнь. Каждую ночь он питался её снами. Её воспоминаниями. Её теплом. Теперь она пуста внутри. Ашара смотрела на них. В её голове крутилась одна мысль: «Нет. Я бы помнила». Она написала: «Это не моё. Я никогда не носила амулетов. Я бы помнила». Ведьмы переглянулись. Первая покачала головой. — Ты хочешь знать правду, — сказала она. — Но правда стоит дорого. Ты должна заплатить за неё. Не кровью. Воспоминанием. Одно из твоих детских воспоминаний. О матери. Ашара смотрела на флакон в своей руке. Она знала, что отдаёт. Лицо матери. Его тепло. Его запах. Она сжала пальцы так, что стекло треснуло. И кивнула. Средняя ведьма протянула руку и коснулась её виска. Ашара почувствовала, как что-то уходит из неё — как вода, вытекающая из треснувшего кувшина. Она видела лицо своей матери — но оно становилось всё более тусклым, как картина, выцветшая на солнце. Когда ведьма убрала руку, Ашара уже не могла вспомнить, как пахли волосы матери. Только пустоту. — Тот амулет — он не Лирин, — сказала средняя. — Он твой. Ты оставила его у неё, когда была ребёнком. Ты не помнишь этого, потому что стёрла себе память. Ты забыла, кто ты. Забыла, что сделала. Забыла, что носишь в себе. Ашара отшатнулась. Её спина ударилась о стену. Но в глубине души что-то дрогнуло. Смутное воспоминание — как сон, забываемый сразу после пробуждения. Она маленькая, стоит у старого колодца. В её руке — камень, похожий на застывшую каплю крови. Она прячет его в карман сестры, когда та спит. Потом забывает об этом. — Ты изгнала его, — прошептала третья ведьма. — Ты не хотела быть его хранительницей. Но он нашёл путь обратно. Через Лиру. Он всегда возвращается к тебе, Ашара. Ты — его хозяйка. Ты носишь в себе Хаос. Ты отказалась стать его сосудом — и теперь он выбирает тех, кто рядом с тобой. Сначала Лира. Потом будут другие. Ашара смотрела

на них, и в её глазах стояли слёзы. Она не могла говорить, но её лицо говорило за неё: «Как мне спасти её?» Ведьмы переглянулись. Первая подняла руку и указала на дверь. — Ты должна идти. Найди того, кто носит шрамы на спине. Инквизитора, который ненавидит магию, но сам пропитан ею. Только он сможет тебе помочь. Ашара выбежала из капища. Она бежала по мосткам, спотыкаясь о гнилые доски. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь со слезами. Когда она вернулась домой, Лира не двигалась. Её руки были полностью каменными. Ашара упала перед ней на колени. Лира смотрела на неё, и в её глазах был ужас. Но она не плакала. Она сжала кулаки — насколько позволяли каменеющие пальцы — и прошептала: — Всё будет хорошо, Ашара. Ты справишься. Я знаю. Ты всегда справлялась. — Её голос дрожал, но в нём была сила. — Я верю в тебя. Я всегда верила в тебя. Иди. Найди его. Спаси меня. Ашара увидела амулет на шее Леры. Она протянула руку, чтобы снять его, но камень обжёг пальцы. Из амулета раздался голос: — Ищи инквизитора с шрамами на спине. Только он сможет тебе помочь. Ашара закутала сестру в одеяло — то самое, которое они делили в детстве. Она оставила на столе записку: «Я уйду. Я найду его. Жди меня. Клянусь своей немотой». Она вышла из дома и двинулась на запад — к границе Империи. Она шла три дня, почти не останавливаясь. В голове её звучало только одно имя: инквизитор с шрамами на спине. Тень. За пределами болот, за пределами времени стояла Она. Её форма колыбалась, как туман, и в её руках была книга. Она перевернула страницу и замерла. Строки, которые всегда были там, исчезли. Вместо них — пустота. Она попыталась написать то, что должно было случиться, — но слова не ложились на бумагу. Тень закрыла книгу. Она была не богиней, не творцом. Она была лишь той, кто записывает. Наблюдателем, который привык видеть порядок. Но сейчас порядок разрушался. Она не знала, что будет дальше. И это пугало её больше, чем любая катастрофа.

Глава 3. Инквизитор без веры

Пограничный трактир «У разбитого копыта»

Трактир стоял на самой границе Болот и Империи — там, где болотная грязь постепенно сменялась сухой степью, а воздух переставал быть влажным и липким. За его стенами начиналось Пограничье — буферная зона, где не действовали ни болотные законы, ни имперские указы. Здесь жили те, кто бежал оттуда и сюда: дезертиры, контрабандисты, беженцы.

Внутри всегда было полно народу — запах старого пива и жареного мяса смешивался с дымом дешёвых трубок и потом уставших путешественников. Пол был липким от пролитого эля. Стены были покрыты копотью — здесь не мыли, только подливали, и эта копоть въелась в дерево так глубоко, что даже сквозь неё проступали старые письма.

Кассиан сидел в самом тёмном углу, прижавшись спиной к стене так, чтобы видеть всех, кто входит. Это было привычкой — не доверять никому, кто мог подойти со спины. Он не мог вспомнить, когда эта привычка появилась — может быть, в тот день, когда он впервые надел чёрную перчатку на правую руку. Он просто знал, что если сядет иначе, не сможет дышать.

Его пальцы сжимали кружку с горьким пивом, но он не пил. Он просто держал её, чувствуя, как конденсат стекает по пальцам. Голоса сегодня были особенно громкими. Они вползали в его сознание через уши, через глаза, через кожу.

— Ты не виноват, — шептал один голос, мягкий и вкрадчивый. — Это были мы. Мы управляли твоими руками.

— Ты убил их, — шипел другой, резкий и острый. — Ты смотрел, как они умирают. Ты хотел этого.

Кассиан зажмурился. Его правая рука, затянута в чёрную перчатку, дрогнула. Под перчаткой кожа была чёрной, как обугленное дерево — следствие магии, которую он использовал много лет назад. Он не мог снять перчатку. Не мог смотреть на то, что осталось от его руки.

Перед ним стоял Корин — механик с деревянной ногой, скрипевшей при каждом шаге. Кожа на его руках была покрыта шрамами от старых ожогов. Он поставил на стол куклу в человеческий рост — точную копию десятилетней девочки с косичками и стеклянными глазами.

— Смотри, — сказал Корин. — Она умеет говорить. Я вложил в неё голос твоей дочери. Она будет звать тебя «папа». Я сделал её для тебя.

Кассиан поднял глаза. В них не было ни боли, ни гнева — только пустота. Он смотрел на куклу, и на мгновение что-то дрогнуло в его груди — тень воспоминания. Он заметил, как Корин смотрит на куклу — не как мастер на своё творение, а как отец, который видит лицо своей умершей дочери.

— Ты предлагаешь мне куклу? — спросил он, и голос его был сухим, как песок.

— Шанс, — сказал Корин. — Ты сам говорил мне, что не можешь спать по ночам. Что голоса не дают тебе покоя. С этой куклой ты сможешь попросить у неё прощения.

Кассиан встал так резко, что стул с грохотом упал на пол. Он схватил куклу за плечи и с силой ударил о стену. Деревянное тело треснуло, голова откатилась под стол, а из разбитого механизма посыпались шестерёнки и пружины.

Он опустился на корточки и поднял голову куклы. Её щека была треснута, и из трещины торчала пружина.

— Моя дочь, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я убил её. Своими руками. Голоса сказали мне, что она — сосуд зла. И я поверил. Как же легко верить, когда ты не хочешь смотреть правде в глаза.

Корин отступил. Его лицо побелело. Он молча поднял с пола тело куклы и убрал в сумку.

Кассиан опустился на стул. Он взял кружку с пивом, но пить не стал. В этот момент дверь трактира распахнулась, и в облаке пара появился посыльный — мальчишка лет двенадцати с серым лицом.

— Вам письмо, — сказал он, протягивая конверт. — От немой ведьмы с Болот.

Кассиан взял письмо. Он разорвал конверт и прочитал:

«Я знаю, что ты слышишь голоса. Я знаю, что ты носишь шрамы на спине. Моя сестра умирает. Если ты поможешь мне, я помогу тебе. Приходи на разбитый мост через болотную реку. Я буду ждать до заката».

Он перечитал записку трижды. В груди затеплилась надежда — та, которую он считал давно мёртвой. Но потом он вспомнил свою семью. Голоса шептали: «Она лжёт. Она хочет убить тебя». Но другой голос, тот, который он почти не слышал, говорил тихо: «А если она говорит правду?»

Кассиан взял свечу и поднёс письмо к пламени. Когда бумага превратилась в пепел, он поднялся, оставил на столе медную монету и вышел из трактира. Ночь встретила его холодом и тишиной. За спиной, у дверей, раздался звон колокольчиков — он знал, что Брут идёт по его следу.

Он сжал кулак и пошёл вперёд, в темноту.

Глава 4. Встреча у разбитого моста

Мост через болотную реку был разрушен уже лет десять. Старое наводнение смыло его центральную часть, оставив лишь каменные блоки, торчащие из воды, как зубы древнего чудовища. Вода под ними была чёрной и неподвижной. Ветви искривлённых деревьев нависали над рекой, и их тени двигались в такт ветру — медленно, как пальцы утопленников, тянущиеся к поверхности. Ашара стояла на одном из каменных блоков. Она была здесь с рассвета. Её босые ноги были покрыты грязью, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только одно — время уходит. Лира умирает. Она слышала шаги Кассиана задолго до того, как увидела его. Он появился из тумана, когда солнце уже начало клониться к закату. Он был высоким и худым, с седыми висками. Его серые глаза были холодными, как зимнее небо. Правая рука была затянута в чёрную перчатку. Шрамы, которые она искала, были скрыты под плащом, но она знала, что они есть. Он остановился на другом конце моста. Между ними было двадцать шагов — двадцать шагов воды, камней и тумана. — Ты та самая немая ведьма, — сказал он. — Я получил твоё письмо. Я пришёл. Но это не значит, что я тебе верю. Ашара кивнула. Она соскользнула с камня и подошла к нему. Она остановилась в шаге от него, присела на корточки и написала на влажном песке одно слово: «Помоги». Он посмотрел на него, потом на неё — и провёл сапогом по песку, стирая надпись. — Ты немая, — произнёс он. — Но это не значит, что я должен тебе верить. Я не помогаю ведьмам. Я их убиваю. Это моя работа. Ашара не отступила. Она подняла руку и закатала рукав до локтя. На её запястье серебряным огнём горела тонкая паутина шрамов — такой же узор он видел на теле своей жены перед смертью. Кассиан схватил её за руку. — Откуда это? — спросил он хрипло. — Я видел этот узор только один раз. На теле моей жены. Перед тем как я убил её. Откуда это у тебя? Ашара вырвала руку и снова написала на песке: «Я родилась с ними. Так же, как ты родился с голосами в голове. И с шрамами на спине. Мы оба носим в себе то, что не выбирали». Он смотрел на неё, и в его глазах была не только ярость, но и удивление. — Откуда ты знаешь про шрамы? — спросил он тише. Ашара не ответила. Она просто посмотрела ему в глаза и снова написала на песке: «Моя сестра умирает. Помоги мне, и я помогу тебе. Я знаю, как заставить голоса замолчать. Я знаю, кто ты и что ты сделал. И я знаю, что ты не виноват. Голоса управляли тобой». Кассиан прочитал надпись, и в его глазах мелькнула искра — не надежда, скорее любопытство, смешанное с недоверием. — Ты не знаешь меня, — усмехнулся он. — Ты не знаешь, сколько крови на моих руках. Ашара подошла ближе и коснулась его щеки. Он вздрогнул, но не отстранился. Она написала на его руке углём: «Голоса управляли тобой. Ты был орудием, а не убийцей. Помоги мне спасти сестру, и я помогу тебе найти покой». Кассиан долго молчал. Ветер шевелил его волосы. Он смотрел на неё, и она чувствовала, как он борется с собой. — Я не знаю, можешь ли ты мне помочь, — сказал он наконец. — Но я знаю, что если я не пойду с тобой, я никогда не узнаю. Он посмотрел на свои руки, потом снова на неё. — Ты готова идти со мной, зная, что я могу предать тебя в любой момент? Что я могу убить тебя, если голоса скажут мне это? Ашара не ответила. Она просто протянула ему руку. И в её жесте было столько доверия, столько отчаяния, столько надежды, что он взял её за руку. В тот же миг небо раскололось от молнии. Гром прокатился над болотом, и дождь хлынул стеной. Вода поднялась, и где-то вдалеке среди деревьев мелькнула тень огромной волчицы с металлическими зубами. — Уходим, — сказал Кассиан резко. — Быстро. Идём за мной. Эта тварь не остановится, пока не сожрёт нас. Они побежали. Ашара бежала за ним, и в груди её разгоралась надежда — та самая, которую она считала давно мёртвой. Ночь у костра. Лесная поляна первая ночь вместе. Они бежали до тех пор, пока лёгкие не начали гореть. Ирма не преследовала их — по крайней мере, не сразу. Кассиан остановился на краю небольшой поляны. Дождь прекратился, но воздух был влажным и тяжёлым. — Здесь мы переночуем, — сказал он. — Ирма ненавидит мёртвую воду. Ашара опустилась на землю, прислонившись

спиной к стволу дерева. Кассиан разжёг костёр — маленький, едва тлеющий. Он сел напротив неё, и между ними заплясал огонь. Они молчали. Ашара смотрела на огонь, и в его пламени она видела лицо Лиры. Кассиан долго молчал, потом произнёс одно слово — тихо, почти беззвучно:— Алия. Он замолчал. Его пальцы сжали колено, и он посмотрел на свои руки. Он не сказал больше ни слова. Но Ашара поняла всё. Она протянула руку и коснулась его ладони. Он вздрогнул, но не отстранился. Его пальцы сжались вокруг её. Она взяла глиняную табличку и написала: «Я не помню, как звучал мой голос. Я потеряла его, когда мне было семь лет. Но я помню голос моей сестры. Она пела мне колыбельные, когда я боялась темноты». Кассиан прочитал написанное и сжал её руку крепче.— Тогда мы будем помнить друг за друга, — сказал он. — Ты будешь помнить мою дочь, а я буду помнить твою сестру. Ночью, когда костёр почти погас, Кассиан снял плащ и накрыл её плечи. Она прижалась к нему, и он обнял её. Где-то вдалеке выла Ирма, но теперь её вой казался далёким и неопасным. Утро с инеем. Лесная поляна утро после первой ночи. Ашара проснулась от холода. Она открыла глаза и увидела, что мир изменился. За ночь лес превратился в хрустальный дворец. Иней покрыл каждую ветку, каждый лист. Солнце только начинало подниматься, и его первые лучи преломлялись в ледяных кристаллах, создавая сотни маленьких радуг. Кассиан стоял рядом — он уже проснулся и смотрел на тот же мир. На его лице была улыбка — первая, которую она видела у него. Он заметил, что она проснулась, и показал на паутину между двумя старыми дубами. Она была покрыта инеем, и каждая нить блестела на солнце.— Смотри, — сказал он. — Она выдержала ночь. Мы тоже выдержим. Ашара встала и подошла к нему. Она взяла его за руку и сжала. Он ответил на её пожатие. Они стояли так, глядя на иней, на радуги, на хрупкую паутину. Мир был холодным и жестоким, но он всё ещё мог быть красивым. Они пошли дальше.

Глава 5. Дорога к часовому механизму

Лес из искривлённых деревьев Болота Лес из искривлённых деревьев был худшим местом на Болотах. Ветви переплетались так плотно, что небо почти не было видно. Гнилые листья хрустели под ногами, и в этом хрусте слышалось что-то зловещее. Ашара и Кассиан шли уже несколько часов. Грязь чавкала под ногами, засасывая ступни. Дождь всё ещё лил, мелкий и противный, проникавший под одежду. Они не говорили друг с другом — только дышали, тяжело и прерывисто, и шли вперёд, подальше от волчицы. Кассиан остановился, прислушиваясь. Он слышал, как где-то кричит птица — пронзительно, как ребёнок. Голоса были тише, чем раньше, но всё ещё здесь. — Ты слышишь это? — спросил он. — Голоса. Они говорят мне, что я должен убить тебя. Что ты — сосуд зла. Что если я убью тебя, стану свободным. Ашара подошла к нему и коснулась его плеча. Она написала на его руке: «Не слушай их. Ты сильнее их». Кассиан усмехнулся — горько, безрадостно. Его плечи опустились. Он посмотрел на свои руки и сжал их в кулаки. Ашара видела, как его пальцы дрожат. Она подошла ближе и коснулась его плеча. Он не обернулся, но не отстранился. Она написала на его руке: «Ты не виноват. Это голоса. Но теперь ты свободен. Ты можешь выбирать». Они пошли дальше. Лес становился всё более мрачным. Где-то в глубине раздался стон — низкий, протяжный. Ашара остановилась, прислушиваясь. Она чувствовала, что кто-то рядом. Кто-то, кто нуждался в её помощи. Они нашли его у старого поваленного дерева — мужчина лет сорока, с седыми волосами и измождённым лицом. Его нога была сломана, из раны торчала белая кость. Он смотрел на них мутными глазами. Ашара опустилась на колени рядом с ним. Она коснулась его виска, и в тот же миг вспыхнул один образ: дети у костра. Девочка танцует под его песню, мальчик сжимает лук. И одно желание: «Скажи им, что я пытался вернуться». Всё остальное — шум, боль, годы — исчезло. Она почувствовала его боль. Она хотела помочь ему, но что-то пошло не так. Её пальцы засветились ярче, и воспоминания охотника потекли через неё — и она случайно стёрла их. Он посмотрел на неё пустыми глазами. — Кто вы? — спросил он тихо. — Где я? Я ничего не помню. Кто я такой? Ашара отшатнулась. Кассиан схватил её за плечи и развернул к себе. — Что ты сделала? — спросил он хрипло. — Ты стёрла ему память. Ты лишила его всего. — Я не хотела, — прошептала она беззвучно. — Я не контролировала это. Он отпустил её и отступил на шаг. — Ты опасна, — сказал он. — Ты не контролируешь это. Она написала на коре дерева: «Я не хотела. Я научусь. Только не оставляй меня». Кассиан смотрел на неё, и в его глазах была борьба. Он вспомнил, как она смотрела на него у моста — без страха. И что-то внутри него откликнулось. — Я дам тебе шанс, — сказал он. — Но если ты сделаешь это снова, я убью тебя. В этот момент из зарослей выскочила Ирма. Она была огромной — размером с волка, с металлическими зубами, сверкавшими в темноте. Кассиан выхватил меч, но она уже прыгнула. Она вцепилась ему в руку — в ту самую, что была в перчатке. Он закричал от боли. Его шрамы на спине засветились голубым светом. В тот же миг он увидел будущее — свои руки, сжимающие горло Ашары. Её глаза, полные слёз. Голоса, которые смеялись. Он оттолкнул Ирму с такой силой, что она отлетела в сторону. Ирма приземлилась, но не напала снова. Она замерла и принялась. Она смотрела на Ашару, и в её глазах была не только ярость, но и любопытство, и боль. Ашара сделала шаг вперёд, и Ирма не отступила. Ашара смотрела на неё и вдруг поняла, что видит не просто зверя. Шрам на её боку — не от битвы. Он был старым, глубоким, с рваными краями. Кто-то пытался сжечь её. Ирма была не просто порождением Трещины — она была тем, кто выжил вопреки. И она искала того, кто поймёт эту боль. Она не нападала на них, потому что узнала в Кассиане — и в ней — таких же. — Она узнала тебя, — сказала Ашара тихо. — Она видит в тебе себя. Кассиан смотрел на волчицу, и в его глазах была боль. Ирма зарычала — но не угрожающе, а скорее вопросительно. Потом она исчезла в лесу, оставив только запах мокрой шерсти и металла. Тишина после бури Кассиан опустил меч. Его рука

дрожала. Он сел на землю, прислонившись к стволу дерева. Ашара опустилась на колени рядом с ним. Она не могла исцелить его, но она могла быть рядом. Она держала его руку и смотрела, как он дышит. — Спасибо, — сказал он тихо. — Я не знаю, что бы я делал без тебя. Она покачала головой. Он усмехнулся — слабо, почти невесомо. — Я думал, что сегодня умру, — сказал он. — Но я не умер. Я не знаю, почему. Может быть, потому что ты была рядом. Она прижалась к нему, и он обнял её. Они сидели так — в лесу, под дождём. Они были сломленными, потерянными, но живыми. — Идём, — сказал он наконец. — Мы должны идти дальше. Они пошли дальше, и тень Ирмы неотступно следовала за ними. Ашара подняла голову и увидела его — слепого менестреля на ветке старого дуба. Орган запел:

«Волчица бежит по тропе,
А в небе — ни звёзд, ни луны.
Тот, кто не боится во тьме,
Увидит конец у воды».

Они шли дальше, не зная, что ждёт их впереди, но зная, что они должны идти вместе. Тень.

За пределами леса, за пределами времени стояла Она. Она перевернула страницу и замерла. Строки исчезли. Она попыталась написать: «Кассиан принял её предложение. Ирма преследовала их, но не напала». Но чернила не ложились на бумагу.

Тень закрыла книгу. Она стояла в тишине, и впервые за сотни лет она чувствовала не холод, а что-то другое. Она не знала, что будет дальше. Она только знала, что круг не повторился.

Глава 6. Ведьма Мораг

Дом Мораг висел над глубокой пропастью на гигантском маятнике. Он качался в такт её дыханию — медленно, ритмично, как сердце спящего великана. Каждый удар механизма сотрясал землю, и в такт ему бились сердца всех, кто осмеливался войти внутрь. Когда маятник уходил влево, воздух становился холодным; когда вправо — в нём появлялся запах гниющих цветов.

Стены были покрыты часами всех форм и размеров — от крошечных песочных до огромных, в человеческий рост, с маятниками в виде скелетов. Каждый из них показывал разное время. На одних стрелки двигались вперёд, на других — назад, на третьих — стояли на месте. В этом разнообразии чувствовалась бесконечность. Время здесь текло иначе, как будто само пространство подчинялось воле хозяйки. Ашара чувствовала, как её собственное сердце начинает биться в такт маятнику, как будто время внутри неё тоже замедлялось.

Они шли через болото уже второй день после встречи у разбитого моста. Путь к дому Мораг был долгим и опасным. Тропа была узкой, и они несколько раз едва не провалились в трясину — она засасывала всё живое, оставляя только пузыри на поверхности, лопающиеся с влажным звуком, как будто сама земля пережёвывала свою добычу. Ашара чувствовала, как её шрамы на запястьях пульсируют в такт сердцу. Они стали ярче, чем раньше, и в их серебряном свете она видела лица тех, кого она уже не могла спасти.

Где-то вдалеке была Ирма. Волчица с металлическими зубами неотступно следовала за ними, но пока не решалась напасть. Её вой был похож на плач — низкий, тягучий, проникавший в самое сердце и заставлявший кровь стынуть в жилах. Ашара знала, что она ждёт. Она ждала момента, когда они ослабнут.

Дом Мораг возник перед ними внезапно, как мираж в пустыне. Он стоял на краю пропасти, и его стены были сделаны из переплетённых корней и веток, вставших в землю, как живые существа. Когда Ашара подошла ближе, она увидела, что корни движутся — медленно, почти незаметно, но движутся. Они пульсировали в такт маятнику, как вены, по которым текла сама жизнь дома.

Маятник качался медленно и тяжело, и его скрип разносился по болоту, как похоронный звон. Ашара и Кассиан остановились перед входом. Холодный ветер коснулся их лиц, принося с собой запах сухой крови и плесени. Ашара почувствовала, как её шрамы засветились ярче — как будто они узнавали это место. Как будто они были здесь раньше.

— Ты чувствуешь это? — спросила она тихо, глядя на свои руки. Её пальцы дрожали — не от холода, а от того, что она чувствовала внутри. Что-то тёмное, что-то древнее, что-то, что звало её.

— Чувствую только запах смерти, — ответил Кассиан, и его голос был сухим, как песок. — Идём. Если мы стоим здесь слишком долго, я могу передумать.

Они вошли внутрь. В центре комнаты, в кресле из переплетённых корней, сидела Мораг. Её кожа была серой, как у змеи, и покрыта мелкими чешуйками, поблёскивавшими в свете свечей. Её пальцы срослись с деревянными частями кресла — они были не просто приклеены к нему, они были его частью, как корни, растающие в землю. Когда она шевелилась, кожа на её пальцах трескалась, и из трещин сочилась тёмная, густая жидкость, похожая на смолу.

Она смотрела на них жёлтыми, как янтарь, глазами. В них мерцала древняя мудрость, смешанная с безумием. Когда она улыбнулась, её губы растянулись в тонкую линию, обнажая зубы — острые, как у хищника.

— Ты пришла за Ключом, — сказала Мораг, и голос её скрипел, как ржавый маятник. — Я знала, что ты придёшь. Я ждала тебя дольше, чем ты можешь себе представить.

Ашара почувствовала, как холод пробежал по её спине. Она сжала кулаки, пытаясь унять дрожь в пальцах. Она вытащила глиняную табличку и написала: «Ты знаешь, зачем я пришла. Отдай мне Ключ».

Мораг рассмеялась. Её смех был похож на звон разбитых стёкол — резкий, пронзительный, режущий слух. Она смотрела на Ашару, и в её глазах была жестокость.

— Ты думаешь, это так просто? — сказала она, и в голосе её слышалась насмешка. — Ты думаешь, что можешь просто прийти и взять то, что принадлежит мне? Ключи — это не игрушки. Они — часть души, часть мира. Ты не понимаешь, что ты просишь.

Она протянула руку. На её ладони замерцал Первый Ключ — плачущий глаз из чёрного хрусталя. Он был размером с куриное яйцо, и в его глубине, казалось, плавали слёзы, никогда не высохавшие. Он пульсировал в такт её сердцу, и в его свете чувствовалась древняя сила — сила, которая могла как исцелить, так и убить.

Ашара смотрела на Ключ. Внутри неё что-то дрогнуло. Она знала, что это — её единственный шанс спасти сестру. Она написала: «Что ты хочешь взамен? Я отдам всё, что у меня есть».

Мораг наклонилась вперёд. Её чешуйчатая кожа блеснула в свете свечей, и её голос стал тише, почти заговорщицким.

— Ты носишь в себе то, чего не выбирала, — сказала она, и в её голосе не было насмешки — только холодная уверенность. — Оно растёт в тебе, как корни в мёрзлой земле. Ты не знаешь, когда оно прорастёт. Но оно прорастёт. Ты думаешь, что ты — та, кто выбирает. Но ты ошибаешься. Ты — та, кого выбрали. И Ключ, который ты хочешь, только ускорит это.

Она помолчала, и её глаза сверкнули.

— Я отдам тебе Ключ в обмен на твоё имя. Отрекись от своего имени. Откажись от Ашары. Стань никем. Тогда Ключ будет твоим.

Ашара покачала головой. Яростно, решительно. Она не могла отречься от себя. Это было бы предательством всего, что она знала, всего, что она любила. Она написала: «Я не могу. Моё имя — это всё, что у меня есть. Это единственное, что связывает меня с сестрой».

— Тогда я оставлю Ключ себе, — сказала Мораг, и её улыбка стала шире. — И твоя сестра останется камнем навечно. Ты будешь смотреть на неё каждый день, зная, что могла спасти её, но не сделала этого. Ты будешь слышать её голос в своих снах, но она не будет говорить с тобой, потому что она — камень.

Она щёлкнула пальцами. На стене зажглось изображение Лир — в полный рост, каменной, безжизненной, с серыми, потухшими глазами. Портрет был нарисован кровью на старой коже. Мораг взяла свечу и поднесла её к портрету. Огонь лизнул край кожи, и портрет начал гореть, распространяя запах горелой плоти. Ашара смотрела, как лицо её сестры исчезает в пламени, и внутри неё что-то разрывалось — крик, который не мог вырваться наружу.

Она бросилась вперёд, пытаясь спасти портрет. Её пальцы вцепились в горящую кожу, и она почувствовала, как пламя обжигает её ладони, но она не отдернула руку. Она сжимала горящий портрет, чувствуя, как огонь пожирает её кожу, но не отпускала. Только когда пламя добралось до её запястий, она разжала пальцы, и обгоревшие остатки портрета упали на пол, рассыпаясь в пепел.

Она смотрела на свои ладони — кожа на них была красной, с пузырями, уже начавшими лопаться. Она почти не чувствовала боли. Только жар, который всё ещё исходил от них, как напоминание о том, что она готова сгореть ради сестры. Она сжала обожжённые пальцы в кулак, и пузыри лопнули, оставляя на коже влажные, розовые следы. Она не обращала на это внимания. Она смотрела на Мораг, и в её глазах горел тот же огонь, что и в её руках.

Она взяла табличку и замерла. Уголь в её пальцах дрожал над поверхностью глины. Она смотрела на Мораг, и в её голове крутились слова: «Отрекись от своего имени». Это было так просто. Всего несколько слов — и Лира будет спасена. Она почти написала их. Её рука уже

начала двигаться, но в последний момент пальцы сжались, и она с силой вдавила уголь в глину, выводя другие буквы:

«Я не отрекусь от своего имени. Я не откажусь от себя. Но я получу этот Ключ. Даже если это будет стоить мне жизни. Я сделаю это ради Лиры. Я сделаю это ради всего, что я люблю».

Когда она подняла глаза на Мораг, в них больше не было колебаний. Только огонь.

Мораг рассмеялась. Её смех эхом разнёсся по комнате, отражаясь от стен, как крик тысячи голосов.

— Тогда ты умрёшь, — сказала она, и в её голосе слышалась жестокость. — Ты умрёшь, и твоя сестра умрёт вместе с тобой. Ты будешь камнем рядом с ней, и никто не вспомнит, кем ты была.

Она подняла руку, и из её пальцев вырвался клубок тьмы. Он полетел в Ашару, но Кассиан перехватил его, заслонив её собой. Его шрамы засветились ярче, и тьма рассеялась, разбившись о его тело, как волна о скалу. Он закричал от боли — его лицо исказилось гримасой агонии. Он потерял год жизни, и его тело ослабло. Он пошатнулся, но устоял.

— Беги, — прошептал он, и голос его был полон боли. — Я задержу её. Беги и не оглядывайся. Спасайся. Ты должна жить.

Но Ашара не побежала. Она встала рядом с ним, взяла его за руку. Её пальцы сжались вокруг его ладони, и она чувствовала, как его пульс бьётся в такт её собственному.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то новое — не только боль, но и удивление. Она не побежала. Она осталась. Он не знал, что сказать, но его пальцы сжали её руку в ответ — крепко, как будто он боялся, что она исчезнет. Вместе они встретили следующий удар Мораг.

Маятник качнулся, и стена позади них разлетелась в щепки, открывая бездну. Холодный ветер ворвался в дом, задувая свечи. На мгновение в комнате стало темно, как в могиле. Только голубой свет шрамов Кассиана и серебряное сияние раны Ашары освещали пространство.

Ашара чувствовала, как её Узел трещит под давлением. Сила Мораг пыталась раздавить её, как насекомое. Но она не сдавалась. Она смотрела на Мораг, и в её глазах горел огонь — тот самый, который она чувствовала, когда кто-то угрожал её сестре. И она знала: она не отступит. Она пойдёт до конца.

Она не знала, как победить Мораг. Она не знала, как выжить. Но она знала, что будет сражаться — до последнего удара маятника, до последнего вздоха, до тех пор, пока Ключ не будет в её руках. Она сжала руку Кассиана, и в этом пожатии была вся её решимость.

Глава 7. Узел Кассиана

Маятник качнулся снова, и его скрип разнёсся по комнате, как похоронный звон. Стена позади Ашары и Кассиана уже была разрушена, и в образовавшемся проёме клубился туман. Холодный ветер ворвался в дом, задувая свечи. На мгновение в комнате стало темно, как в могиле. Только голубой свет шрамов Кассиана и серебряное сияние раны Ашары освещали пространство.

Где-то вдалеке, за стенами дома, выла Ирма. Волчица ждала своего часа. Её вой был похож на голод — низкий, тягучий, проникавший в самое сердце и заставлявший кровь стынуть в жилах. Ашара чувствовала, как её шрамы пульсируют в такт маятнику, как будто время внутри неё тоже замедлялось.

Мораг поднялась из своего кресла. Её тело, казалось, стало больше, чем было раньше. Её серая кожа трескалась, и из трещин сочился чёрный свет — как будто внутри неё горело что-то, пытавшееся вырваться наружу. Она смотрела на них своими жёлтыми глазами, и в них не было ни жалости, ни сострадания. Только голод.

Её пальцы, сросшиеся с деревом, оторвались от кресла с хрустом — сухим, как ломающиеся кости. Кожа на её запястьях порвалась, и из ран потекла чёрная кровь, пахшая гнилью и старой магией. Она шагнула вперёд, оставляя за собой кровавые следы на деревянном полу. Каждый её шаг был тяжелым, как удар молота, и каждый удар отдавался в груди Ашары.

Ашара чувствовала, как её тело напрягается, как мышцы готовятся к удару. Внутри неё была не пустота — а что-то другое. Что-то, что она не могла назвать. Пульсирующая тьма, ждавшая, когда она позволит ей вырваться наружу. Она сжала кулаки, и её шрамы на запястьях засветились ярче — серебряным светом, смешивавшимся с чёрной тьмой Мораг.

— Вы думаете, что можете победить меня? — спросила Мораг, и голос её был низким, как гул колокола. — Я живу тысячу лет. Я видела рождение и смерть богов. Вы — всего лишь дети, которые играют с магией, не понимая её цены. Ваши Узлы — всего лишь искры перед моим пламенем.

Кассиан шагнул вперёд. Его шрамы на спине засветились ярче — как будто под кожей у него горел огонь. Он снял перчатку с правой руки, и Ашара увидела то, что он скрывал — чёрную, обугленную кожу, пульсировавшую в такт его сердцу. Магия разъедала его плоть, но он не обращал на это внимания. Он был готов умереть, если это означало, что Ашара выживет.

— Я не боюсь тебя, ведьма, — сказал он, и голос его был холодным, как лёд. — Я видел голоса Трещины. Я слышал, как они шепчут мне по ночам. Я убил свою семью, потому что они заставили меня. Я смотрел, как они умирают, и думал, что спасаю мир. Но я не спасал мир. Я был просто дураком, который верил в ложь. И я не позволю тебе сделать то же самое с ней. Ты не тронешь её.

Он бросился на Мораг. Его движения были быстрыми, почти неуловимыми — как у зверя, чувствующего, что его загнали в угол. Он вонзил свою чёрную руку в её грудь, и она закричала — пронзительно, как раненый зверь. Он чувствовал, как его шрамы пульсируют, как магия течёт через него, разъедая его изнутри. Его кожа становилась бледнее, его вены вздувались, и из них сочился голубой свет. Ашара видела, как его тело напрягается, как его лицо искажается от боли, но он не останавливался.

Он сжал кулак, и из его руки вырвался луч голубого света. Он ударил Мораг в грудь, и её тело затрещало — как старое дерево под топором. Маятник закачался быстрее, и дом начал рушиться. Куски дерева и камня падали с потолка, и пыль поднялась в воздух, застилая всё вокруг.

Но Мораг не упала. Она схватила Кассиана за горло. Её пальцы сжались вокруг его шеи, как тиски, и он услышал, как его кости трещат под её хваткой. Он чувствовал, как его сила

уходит, как жизнь покидает его тело. Он пытался дышать, но не мог. Только хрип вырывался из его горла — сухой, как шелест листьев. Его ноги подкосились, и он упал на колени, но Мораг не отпускала его.

И в этот момент он посмотрел в глаза Мораг. И увидел там лицо своей жены — Элины. Её глаза были полны слёз, и она смотрела на него с той же мольбой, с которой смотрела перед смертью. «Зачем ты делаешь это? Мы же любили друг друга. Мы были семьёй. Почему ты убил нас?»

Кассиан замер. Его руки ослабли, и он перестал сопротивляться. Он смотрел в глаза Мораг, но видел только лицо своей жены. И что-то разрывалось у него внутри — боль, которую он не мог вынести. Он чувствовал, как слёзы текут по его лицу, как его тело становится тяжелым и холодным.

— Я не хотел, — прошептал он. — Я не хотел убивать тебя. Они заставили меня. Голоса заставили меня. Я не хотел. Я loved тебя. Я всегда любил тебя. Прости меня. Пожалуйста, прости меня.

Мораг улыбнулась. Её улыбка была похожа на трещину на старой глине — холодная, безжизненная, полная злорадства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.